

Кировское областное государственное автономное образовательное
учреждение дополнительного образования
«ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОДАРЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ»

ЛИТЕРАТУРА, 2018

ЗАДАНИЯ, РЕШЕНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

по проверке и оценке решений
муниципального этапа
всероссийской и областной олимпиад школьников
по литературе
в Кировской области
в 2018/2019 учебном году

Киров
2018

Печатается по решению региональной предметно-методической комиссии всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе

Задания, решения и методические указания по проверке и оценке решений задач муниципального этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе в Кировской области в 2018–2019 учебном году. – Киров: Изд-во ЦДООШ, 2018. – 28 с.

Авторы заданий

И.В. Галкина

Л.В. Занько

С.А. Окунева

Составитель

Окунева С.А.

Научная редакция (рецензирование)

Рылова А.С., канд. пед. наук

Подписано в печать 04.09.2018.

Формат 60×84^{1/16} Бумага типографская. Усл. печ. л. 1,3

Тираж 1123 экз.

© Кировское областное государственное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования одаренных школьников», Киров, 2018

© Галкина И.В., Занько Л.В., Окунева С.А., 2018

МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ И ОБЛАСТНОЙ ОЛИМПИАД ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящие методические требования подготовлены региональной предметно-методической комиссией по литературе для помощи методическим комиссиям и жюри муниципального этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе в 2018–2019 учебном году.

Методические материалы включают рекомендации по порядку проведения олимпиады по литературе, олимпиадные задания для учащихся 5–11-х классов, рекомендации по оцениванию решений участников олимпиады, а также список источников, которые были использованы авторами при подготовке заданий.

1. Задачи олимпиады

Муниципальный этап олимпиады по литературе проводится отдельно для 5-х, 6-х, 7-х, 8-х, 9-х, 10-х и 11-х классов.

Участники олимпиады должны продемонстрировать следующие умения и навыки, формируемые на уроках литературы и зафиксированные в требованиях соответствующих образовательных стандартов:

- определять тему и основную мысль произведения, основной конфликт;
- пересказывать сюжет; видеть особенности композиции;
- характеризовать героев-персонажей, давать их сравнительные характеристики; оценивать систему персонажей;
- выявлять особенности языка и стиля писателя; находить основные изобразительно-выразительные средства, характерные для творческой манеры писателя, определять их художественную функцию;
- определять жанровую, родовую специфику художественного произведения;
- объяснять свое понимание нравственно-философской, социально-исторической и эстетической проблематики произведений;
- анализировать литературные произведения разных жанров;
- определять авторское отношение к героям и событиям, к читателю;
- пользоваться основными теоретико-литературными терминами и понятиями;
- выражать личное отношение к художественному произведению; аргументировать свою точку зрения;
- представлять развернутый письменный ответ на поставленные вопросы;
- писать сочинения различных жанров.

Главная задача олимпиады – выявление и поддержка одаренных детей, способных к постижению художественной литературы как вида искусства, пониманию смысла разнообразных литературных произведений, умеющих пользоваться литературным языком как инструментом для выражения собственных мыслей и ощущений.

2. Выбор заданий для олимпиады

Задания для муниципального этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе в 2018–2019 учебном году составлены с учетом методических рекомендаций по разработке заданий для муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе, представленных Центральной предметно-методической комиссией по литературе под редакцией Председателя жюри заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе С.В. Волкова.

Муниципальный этап всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе проходит в один (письменный) тур в виде письменной творческой работы, отдельно для участников разных классов. Первое задание включает в себя **целостный анализ художественного текста (прозаического – для 5, 6, 7, 8, прозаического или поэтического (на выбор учащегося) – для 9, 10, 11 классов)**. Второе задание – творческое. Выполняя его, ученики создают текст ответа, опираясь на предложенные вопросы. Вто-

рое задание выявляет творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, издателя, комментатора, популярного блогера, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

3. Форма и порядок проведения муниципального этапа

Муниципальный этап всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе проходит в один день.

При проведении муниципального этапа олимпиады выделяется несколько аудиторий для каждой параллели. Участники олимпиады размещаются по одному человеку за партой.

Каждый участник обеспечивается комплектом заданий и канцелярскими принадлежностями (бумагой, ручкой).

Перед выполнением заданий с участниками олимпиады проводится инструктаж о технической стороне выполнения заданий.

Наличие в аудитории дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, учебно-методической литературы, средств мобильной связи, компьютера и т.д.) не допускается. В случае нарушения этих условий учащийся исключается из состава участников олимпиады.

Предварительно участников следует ознакомить со временем выполнения заданий (для участников **5-6 классов – 2 астрономических часа, 7–8 классов – 3 астрономических часа, для участников 9–11 классов – до 5 астрономических часов**).

Все олимпиадные задания выполняются письменно. Работы пишутся только в прозаической форме. Если участник использовал черновик, он сдает его вместе с работой. Члены жюри оценивают записи, приведенные в чистовике. Черновики не проверяются. Если задание выполнено не полностью, то члены жюри обращаются к черновику работы. Черновик может быть учтен при оценке работы в пользу участника олимпиады. Объем работ не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.

4. Организация проверки олимпиадных заданий, определение победителей

По истечении времени выполнения заданий работы школьников собираются и сдаются председателю членам шифровальной комиссии. Жюри муниципального этапа проверяет и оценивает обезличенные олимпиадные работы.

Работа должна быть независимо проверена и подписана не менее чем двумя членами жюри. В случае существенного расхождения их баллов председателем жюри назначается третий проверяющий. Его оценка решает спорный вопрос с распределением баллов. Итоговый балл оформляется специальным протоколом, где значится шифр работы, балл и подписи всех членов жюри. Результаты проверки всех олимпиадных работ члены жюри заносят в итоговую таблицу технической ведомости оценивания работ участников олимпиады. Расшифровка работ проводится после выставления оценок за работу, перед показом и апелляцией работ.

При оценивании олимпиадных работ муниципального этапа олимпиады методическая комиссия ориентируется на систему оценивания заключительного этапа всероссийской олимпиады по литературе, выбирая критерии оценивания, соответствующие варианту задания (критерии приведены ниже).

Жюри муниципального этапа, согласно Положению об олимпиаде, оценивает выполненные олимпиадные задания, проводит анализ выполненных работ, рассматривает апелляции совместно с оргкомитетом соответствующего этапа олимпиады.

Желаем успеха!

ЗАДАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЭТАПА 5-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ Василия Белова «Позорный случай». Напишите цельный, связный, завершённый текст. Укажите в нём тему рассказа, его главную мысль, объясните смысл заглавия. Охарактеризуйте авторское отношение к изображаемому. Перечислите основных героев рассказа, подумайте, какие детали и как их характеризуют. Выразите личное отношение к художественному произведению, докажите свою точку зрения.

В. Белов

ПОЗОРНЫЙ СЛУЧАЙ

Кого мог бояться Валдай, ежели он иногда даже на Федю рычал? Мое уважение к этому уважающему себя псу росло с каждым приездом в эту деревню. Валдай ни перед кем не лебезил и не заискивал, как Валетко. Ни на кого не кидался зря, не драл горло, как Лидиина Малька. Он просто уважал себя и других и никого не боялся.

Но все же однажды он испортил свою репутацию. Причем не только в моих глазах, но и в глазах всех деревенских ребяташек. Он проявил самую обыкновенную трусость, я был свидетелем этого позорного случая.

Я сидел у Остаховых и смотрел в открытое окошко, дожидаясь дедка. Серая опрятная кошечка, пристроившись на том же окне, неторопливо умылась и тоже начала наблюдать. Как раз по деревне бежал Валдай. Ничего не подозревая, я подозвал его поближе, он подбежал. Умильная кошечка зашипела, будто проколотая шина, выгнулась. Валдай добродушно глядел на нас. Кошка прыгнула из окна на крышу крыльца. Потом на изгородь. Валдай дважды несильно тьякнул, мол, в чем дело? Кошка шипела. Ее хвост распушился и стал толстым, шерсть поднялась на загривке. И вдруг не долго думая она бросилась сверху на Валдаю. Он отскочил, она ринулась на него, норовя вцепиться в глаза. Они с рычанием и визгом сцепились в клубок. «Ну, кошке сейчас капут! – подумалось мне. – Разорвет...» Человек пять мальчишек восторженно наблюдали за дракой с улицы. Наконец кошка сиганула опять на изгородь, затем на крышу крыльца и зашипела оттуда. Разозленный Валдай лаял на нее снизу. Откуда столько ненависти у этой кошки к Валдаю? Поединок только начался. Валдай лаял, она шипела и выгибалась. Потом как сиганет на него, как зарычит! Я опомниться не успел: Валдай бросился от нее наутек... Она преследовала его, эта маленькая кошечка. И такого верзилу! Она прыгала за ним молниеносно, стремительно, а Валдай улепетывал от нее, к восторгу ребят. Такого еще никто не видел...

К счастью, дружеские отношения между Федей и дедком Остаховым уже настолько окрепли, что этот случай не нарушил добрососедства. Федя впоследствии выругал свою собаку и похвалил кошку дедка Остахова. Дедко, наоборот, отчитал свою кошку и похвалил Фединога пса. Тем и кончилось. Представляете, что было бы, если б случилось наоборот: то есть если бы дедко заступился за свою кошку, а Федя за своего пса? Наверное, соседи бы поссорились тогда на вечные веки. И все бы из-за меня: ведь это я присвистнул Валдаю, когда сидел в избе у Остаховых.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте себе, что у Вас появилась возможность пригласить на встречу с классом любимого литературного героя. Прежде чем дать ему слово, Вы представили его одноклассникам, произнеся речь на 2 минуты. Запишите эту речь.

6-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Морское плавание». Напишите цельный, связный, завершённый текст. Укажите в нем тему стихотворения, охарактеризуйте сюжет, выделите главную мысль и авторское отношение к изображаемому. Перечислите основные образы, подумайте, какие детали и как характеризуют эти образы. Какие средства художественной выразительности использует автор, рисуя картину происходящего? Выразите личное отношение к художественному произведению, аргументируйте свою точку зрения.

И. С. Тургенев

МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна, самка из породы уистити, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на палубе и металась и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою черную, холодную ручку – и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазенками. Я брал ее руку – и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета. Оно казалось невеликим; густой туман лежал на нем, заволакивая самые концы мачт, и слепил и утомлял взор своей мягкой мглой. Солнце висело тускло-красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно.

Длинные прямые складки, подобные складкам тяжелых шелковых тканей, бежали одна за другой от носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконец, колыхались, исчезали. Взбитая пена клубилась под однообразно топотающими колесами; молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струи, – а там сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглой.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень – и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущенную гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои вопросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику – обезьяне.

Я садился возле нее; она переставала пищать – и опять протягивала мне руку.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и погруженные в одинаковую, бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мне было другое чувство.

Все мы дети одной матери – и мне было приятно, что бедный зверёк так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте себе, что у Вас появилась возможность пригласить на встречу с классом любимого литературного героя. Прежде чем дать ему слово, Вы представили его одноклассникам, произнеся речь на 2 минуты. Запишите эту речь.

7-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ Михаила Зощенко «Обезьяний язык». Определите его тему, главную мысль, смысл заглавия, охарактеризуйте сюжет и композицию. Опишите главных героев рассказа, выявите художественные средства, при помощи которых автор их изображает. Выразите личное отношение к произведению, аргументируйте свою точку зрения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

М. Зощенко

ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нём до чёрта. Ну, взять французскую речь. Всё хорошо и понятно. Кескёсе, мерси, комси – всё, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой – беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый ещё мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

– Ей-богу, – сказал второй.

– И что же он, кворум-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался, и всё тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Второй сосед развёл руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

– Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Всё как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

– Не всегда это, – возразил первый. – Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то да - индустрия конкретно.

– Конкретно фактически, – строго поправил второй.

– Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

– Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберёшься...

На трибуну взошёл человек и махнул рукой. Всё смолкло. Только соседи мои, несколько разгорячённые спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед снова наклонился ко второму и тихо спросил:

– Это кто ж там такой вышедши?

– Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простёр руку вперёд и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причём второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он всё же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте себе, что у Вас появилась возможность пригласить на встречу с классом любимого литературного героя из произведений А.С. Пушкина. Прежде чем дать ему слово, Вы представили его одноклассникам, произнеся речь на 2-3 минуты. Запишите эту речь.

8-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ Татьяны Толстой «Чистый лист». Определите его тему, идею, смысл заглавия, охарактеризуйте сюжет и композицию. Опишите главных героев рассказа, выявите художественные средства, при помощи которых автор их изображает. Выразите личное отношение к художественному произведению, аргументируйте свою точку зрения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Т. Толстая

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

На большом письменном столе лежало много интересных вещей и удивительных замысловатых штучек: скрепки, кнопочки, ручки разного цвета и калибра, карандаши, подставки, тетради, блокноты, книги и другие необходимости, без которых стол не слыл бы письменным. В правом же верхнем углу этого молчаливого государства покоилась старая толстая Книга. Её листы пожелтели со временем и местами даже порвались, а обложка совсем залоснилась и неприглядно блестела. Книга никогда и ни с кем не начинала разговор первая: просто лежала и наблюдала за происходящим вокруг. Она была незаметной, она не бросалась в глаза, приторно напоминая о себе, и абсолютно не страдала по этому поводу. Казалось, для нашего стола старая замусоленная Книга была единственной совершенно ненужной вещью. Всё её занятие состояло в том, чтобы ждать! И она ждала. Терпеливо и тихо ждала, когда снова сможет кому-то пригодиться. И после долгого ожидания такие моменты наступали.

Временами кто-то, действительно, очень сильно начинал в ней нуждаться, и тогда старая Книга всегда тепло и по-доброму отвечала на любые вопросы. Казалось, её совершенно не беспокоил тот факт, что приходили только из-за личных проблем и только для того, чтобы взять, а потом надолго уйти, оставив до следующей собственной нужды. А она смиренно и тихо соглашалась лежать, ожидая следующего момента и новой возможности кому-то пригодиться и кому-то помочь. Постепенно, Книга превратилась в неброское продолжение самого стола, необходимую и важную деталь, без которой стол не существовал бы, как без ножек или столешницы. Она стала всем, будучи, на первый взгляд, ничем!

В центре же стола лежал аккуратный, гладкий, холёный, ухоженный и всегда изыскано преподнесённый лист! Его звали А4, и был он совершенно чистый и пустой. Он так гордился своим центральным положением, что всегда смело, гордо и навязчиво любому карандашу красочно описывал свою идеально подстриженную форму и совершенную страницу, чтобы каждый захотел оставить на ней свой автограф или хотя бы маленькую вычурную закорючку. Всеми способами лист пытался обратить на себя внимание жителей письменного стола. Он был таким громким и таким назойливым, что казалось, занимал всю поверхность столешницы и всё внимание её жителей.

– Смотрите на меня все! Идите ко мне все! Думайте и восхищайтесь мною все! – словно кричал он каждый день с самого утра.

И некоторые штучки, действительно, обращались к нему за помощью. Одна-

ко, постояв несколько минут возле самовлюблённого красавца, так и уходили во-свояси без поддержки, понимая, что он совершенно пустой, хотя и абсолютно чи-стый! Постепенно, все меньше обращали внимание на его крик и все реже обра-щались за советом, в надежде получить хоть какую-то помощь.

Лист же, по-прежнему, высоко ценил свою чистоту и, тщательно соблюдая границы, просил черкануть автограф на своих полях только у особо избранных значимых ручек, которых уважал и ценил весь стол. Только вот ручки эти, каки-ми бы красивыми и ценными ни казались, на первый взгляд, были совершенно беспомощными без хозяина.

Однажды маленький сквознячок легко сдул наш А4 со стола, и он в одно мгновение оказался на полу, совершенно беспомощный и одинокий. Лист долго кричал, но никто не мог ему помочь. А вечером пришёл хозяин и, не заметив упавшего со стола чистюлю, наступил на него своим башмаком. Только хозяин и мог вернуть наш лист обратно на своё место! Сейчас же наш бедолага оказался ему ненужным, потому что след от ботинка безвозвратно испортил совершенную форму и идеальную чистоту. Хозяин просто скомкал испорченный лист и безжа-лостно отправил его в бумажную корзину под столом.

Только оказавшись на самом дне мусорной корзины, лист понял, как важно, будучи даже на самом видном месте, не беречь себя, красуясь и оберегая от шра-мов и ненужных забот, а постараться стать полезным как можно большему коли-честву нуждающихся. И пусть в процессе такой помощи твои листы замусолятся, почернеют или даже порвутся. Пусть твоя обложка станет неприглядной и по-желтевшей. Пусть тебя уберут из центра и определяют на самое незаметное место, но пусть тебя никогда не сдует, как ненужную и лёгкую вещь, потому что ты сде-лался частью чего-то целого, большого и общего! Помогая и растрачивая себя, в нас появляется глубина и содержание. И уже не важно, как ты выглядишь и где лежишь, главное, что ты кому-то нужен, потому что всегда готов и хочешь по-мочь!

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте себе, что у Вас появилась возможность пригласить на встре-чу с классом любимого литературного героя из произведений А.С. Пушкина. Прежде чем дать ему слово, Вы представили его одноклассникам, произнеся речь на 2-3 минуты. Запишите эту речь.

9-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Б. Окуджава

ВОЙНА

Я познакомился с тобой, война. У меня на ладонях большие ссадины. В голове моей – шум. Спать хочется. Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно? Крик командира – беги, исполняй, оглушительно рявкой «Есть!», падай, ползи, засыпай на ходу. Шуршание мины – зарывайся в землю, рой ее носом, руками, ногами, всем телом, не испытывая при этом страха, не задумываясь. Котелок с перловым супом – выделяй желудочный сок, готовься, урчи, насыщайся, вытирай ложку о траву. Гибнут друзья – рой могилу, сыпь землю, машинально стреляй в небо, три раза...

Я многому уже научился. Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко. Только спать, спать, спать...

Потерял я ложку, как дурак. Обыкновенная такая ложка. Алюминиевая. Почерневшая. С зазубринами. И все-таки это ложка. Очень важный инструмент. Есть нечем. Суп пью прямо из котелка. А если каша... Я даже дощечку приспособил. Щепочку. Ем кашу щепочкой. У кого попросить? Каждый ложку бережет. Дураков нет. А у меня – дощечка.

А Сашка Золотарев делает на палочке зарубки. Это память о погибших...

Золотарев молчит. Я молчу. Немцы молчат. Сегодня.

Лейтенант Бураков ходит небритый. Это для форсу. Я уверен. Огонь открывать не приказано. Идут какие-то переговоры. Вот и ходит наш командир от расчета к расчету. А минометы стоят в траншеях, в ложбинке. А траншеи вырыты по всем правилам устава. А уставы мы не учим.

Ко мне подходит наводчик Гаврилов. Подсаживается. Смотрит на мою самокрутку:

– Ты что это раскурился?

– А что?

– Искры по ветру летят. Темно уже. Заметят, – говорит он и оглядывается.

Я гашу самокрутку о подметку. Ярким фейерверком сыплются искры. И тут же на немецкой стороне отзывается шестиствольный миномет. И где-то позади нас шлепаются мины. И Гаврилов ползет по снежку.

– Говорил... твою мать! – кричит он.

Разрыв за разрывом. Разрыв за разрывом. Ближе, ближе... А мимо меня бегут мои товарищи. А я сижу на снегу... Я виноват... Как я буду смотреть в глаза ребятам! Вот бежит лейтенант Бураков. Он что-то кричит. А мины падают, мины падают.

И тогда я встаю и тоже бегу и кричу:

- Товарищ лейтенант!.. Товарищ лейтенант!

Охает первый миномет. Сразу становится уютнее. Словно у нас объявились сильные спокойные друзья. И смолкают крики. И уже все четыре миномета бьют куда-то вверх из ложбинки. И только телефонист, худенький юный Гургенидзе, восторженно вскрикивает:

– Попадайся!.. Эвоэ!.. Попадайся!

Я делаю то, что мне положено. Я подтаскиваю ящики с минами из укрытия. Какой я все-таки сильный. И ничего не боюсь. Таскаю себе ящики. Грохот, крики, едкий запах выстрелов. Все смешалось. Ну и сражение! Побойще! Дым коромыслом... Впрочем, я

все выдумываю... По нас ни разу не выстрелили. Это мы сами шутим. Но я виноват. И все знают об этом. И все ждут, когда я сам приду и скажу, как я виноват.

А уже становится темнее. Болит моя спина. Я еле успеваю хватать снег и глотать его.

– Отбой! – кричит Гургенидзе.

Я все расскажу командиру батареи. Пусть не думает, что я таюсь.

– Товарищ лейтенант...

Он сидит на краю окопчика и водит пальцем по карте. Он смотрит на меня, и я понимаю: ждет, когда я признаюсь.

– Я виноват. Я совсем не подумал об этом... Делайте со мной что хотите...

– А что я должен с тобой делать? – задумчиво спрашивает он. – Ты что, натворил что-нибудь?

Смеется? Или забыл? Я рассказываю ему все. Начистоту. Он смотрит с удивлением. Потом машет рукой:

– Послушай, иди отдыхай. При чем тут твоя самокрутка? Просто мы перешли в наступление. Просто нужно было стрелять. Иди, иди.

Я иду.

– Смотри не засни. Замерзнешь, – говорит вслед лейтенант.

Через час мы снова на ногах. Мы снова падем в немцев. Наступление. Я не вижу его. Какое наступление, если мы сидим на месте? Неужели так будет всегда? Грохот, запах пороха, крик Гургенидзе «Попадался! Не попадался!..» и эта проклятая ложбинка, из которой ничего не видно. А где-то наступление. Идут танки, пехота, кавалерия, поют «Интернационал», падают, знамена выпускают из рук.

И когда небольшое затишье, я бегу на наблюдательный пункт. Я посмотрю хоть краешком глаза: а какое оно, наступление? Я подышу им. А НП – это не что-нибудь, а просто верхушка холма, и там на склоне лежат, едва высунув головы, наблюдатели, а комбат Бураков смотрит в стереотрубу. Я ползу по крутому склону и высовываюсь до пояса. И слышу, как запевают птицы. Птицы!

Кто-то стягивает меня за ногу вниз.

– Жить надоело? – шипит комбат. – Ты что здесь околачиваешься?

– Посмотреть хотел, – говорю я.

Наблюдатели смеются.

– Птицы откуда-то, – говорю я.

– Птицы? – переспрашивает комбат.

– Птицы...

– Какие птицы? – спрашивает из окопчика телефонист Кузин.

– Птицы, – говорю я и уже сам ничего не понимаю.

– Разве это птицы? – устало смотрит на меня комбат.

– Птицы... – смеется Кузин.

Я уже начинаю понимать, что это такое. Один из наблюдателей напяливает на палку свою шапку и поднимает над собой. И тотчас запевают птицы.

– Понял? – спрашивает комбат.

Он хороший человек. Другой бы начал топтать ногами и материться. Он хороший человек, наш комбат. Сейчас бы меня убили, если бы не он. Это он, наверное, за ноги меня подтянул.

Становится темнее, темнее. Серые сумерки окутывают холмы. И я слышу, как далеко-далеко бьет пулемет.

– Пулемет! – кричу я.

Никто не обращает на меня внимания.

– Пошли наши, – говорит комбат Бураков, – сейчас начнем. – И потом говорит мне: – На-ка погляди.

Я припадаю к стереотрубе. Я вижу степь. На краю ее, на дальнем, на фоне серого неба вытянулся полоской населенный пункт. И там из конца в конец, как фейерверк,

протянулись разноцветные линии трассирующих пуль. И я слышу тархтение пулеметов, дробь автоматов. Но я не вижу наступления. Я не вижу людей.

– Пошли, пошли! - кричат за моей спиной.

– Где, где?

И вдруг я вижу: по степи кое-где перебегают, согнувшись в три погибели, одиночные фигурки. Редко-редко.

– Хватит, – говорит комбат, – иди на батарею.

Я скатываюсь с холма. Я бегу. А навстречу мне плывет, покачиваясь на холмах, «виллис». А в нем сидит генерал. Я не знаю, что мне делать: пробежать или пройти строевым, приложив ладонь к козырьку...

Генерал Багров. Он меня не видит. Он размахивает руками. А «виллис» приближается к наблюдательному пункту. И там уже вытянулся в ожидании комбат. И ребята стоят. И стереотруба стоит на своих трех ногах неподвижно.

И генерал выскакивает из машины, подбегает к комбату:

– По своим бьешь! По своим?!

Комбат молчит. Только голова мотается из стороны в сторону.

А потом генерал смотрит в стереотрубу, а комбат что-то объясняет ему. И генерал жмет ему руку.

«Чудеса!» – думаю я.

– Отбой! – кричит в телефон Кузин. На батарее тишина. Все словно прислушиваются. А минометы, как собаки, присели на задние лапы и тоже молчат.

– Что у тебя с ладонями? – спрашивает старшина. Ладони мои в крови. Я не понимаю, откуда может быть кровь. Я пожимаю плечами.

– Это от минных ящиков, – говорит Шонгин.

Сейчас мне будут делать перевязку.

Старшина поворачивается и уходит. Это он, наверно, пошел санинструктора звать. Я стою с вытянутыми руками. Сколько, наверно, крови вытекло! Сейчас меня перевяжут, и я напишу домой письмо...

– Иди вымой руки, – говорит, обернувшись, старшина, – сейчас позицию менять будем.

1961

П.А. Вяземский

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, –
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

1830

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выступите в роли участника книжной выставки-ярмарки и представьте издательство, которое специализируется на выпуске книг для чтения в дороге. Продумайте концепцию стенда, которая позволит привлечь наибольшее количество покупателей. В эту концепцию должны входить:

1) *Название стенда и название издательства.*

2) *Перечень книг для продажи (перечислите названия 10 книг реальных авторов).*

3) *Краткая аннотация двух книг, которая позволит заинтересовать будущих читателей.*

10-й КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

З. Гиппиус

РОМАН

«Солнце закатывалось»...

Лиза остановилась, потрясла новенькое стило, чуть было не лизнула его, как карандаш, да слава Богу вовремя удержалась. Однако, дальше не шло. И белый листик чистой тетрадки с этими двумя словами: «солнце закатывалось...» Лизе не очень нравился. Почему «закатывалось»? А может лучше «заходило»?

Перечеркнуть – будет грязно... Да что ж поделаешь? Писатели, верно, перечеркивают. Ну, как же? Закатывалось? Заходило?

Оно, солнце, и в самом деле заходило. Желтые, пологие лучи легли на скамейку, где сидела Лиза. Под горкой, внизу, пруд так и сверкал. Лиза беспомощно глядела на это сверканье сквозь зелено-прозрачную листву беседки. Ведь вот, и стило, и беседка, где в такой час никто не помешает, и первые слова... но и первые не нравятся, что же будет дальше?

Лиза – не маленькая, ей четырнадцатый год (как двадцатому веку, говорит папа, и родилась-то она с ним вместе, 1-го января). Учится хорошо, но гимназию ненавидит, вернее – презирает: все там пустяки. Ужасно плоско. По правде сказать – и везде вокруг как-то плоско. Ничего не бывает, ничего интересного, захватывающего, необыкновенного не происходит. Папа отправляется в департамент, к маме приходят гости и говорят о скучном. Нет, настоящее только в книгах. Оттого Лиза так любит читать. Каждая книга, которую удастся дома найти – для нее откровение. Есть любимые, положим; Шпильгаген, например, или Достоевский, или Виктор Гюго, – какая удивительная прелесть! Толстой, «Детство и отрочество», – хуже: про что там, собственно? Как уроки учил, как в маленькую девочку на балу влюбился, – это про себя всякий гимназист – третьеклассник мог бы написать, да только ему и вспомнить-то скучно.

Нет, Лиза давно уж задумала написать, сама, настоящий роман. Или, для начала, хоть повесть. Мало ли, какие истории ей приходят в голову! Взять и написать. Но, конечно, чтобы никто не знал...

Гимназические сочинения Лиза терпеть не могла. Не угодно ли, дают тему! Разве можно по заказу? А если я совсем о другом думаю?

Нынешнее лето, на даче, Лиза твердо решила посвятить делу. Сюжет романа – или повести – у нее был готов, обдуман. Не хватало, правда, конца, и подробности были неясны, – но ведь это должно само прийти, пока пишешь. Самое важное – начать.

Однако, вот, начала, – и не выходит.

Может быть, не надо солнца? А просто: «вечер спускался...». Куда? На землю? Ясно, что на землю, куда ему еще спускаться... Нет, это глупо. Ни солнца, ни вечера, а начать прямо с героев, тогда уж и приписать, что это было на закате.

Лиза наклонилась к тетрадке, что лежала перед ней на старом, сером деревянном столе.

«Виктор и сестра его Наташа шли по густой аллее старинного парка, в вечернем сумраке. На Наташе было белое платье, черные глаза ее сверкали»...

По столу беседки ползет маленькая зеленая букашка, вся в солнце. Вот, доползла до трещины и остановилась. Трещина для нее – целый провал. Как переберется? Лиза засмотрелась, опять не продолжает. Да что ж это такое? Надо взять себя в руки!

Перечитаем. Да, Виктор и Наташа... Случайно они узнали, что один из них – приемный, но кто – не знают. Тут и начинается драма.

Ну, а после? Ведь кто бы ни оказался приемным, они, все равно, значит, могут жениться, а это главное, потому что они, конечно, любят друг друга... Ах, да ведь еще после – этот загадочный старик... Он открывает, что они оба приемными, и тут опять неизвестная тайна...

– Да что я? Лиза даже головой встряхнула, отгоняя неуместные мысли. Это все потом должно явиться, при развитии сюжета. А сейчас – начало, начало! Почему, если «вечерний сумрак», то видно, как у Наташи «сверкают глаза»? Не прибавить ли, что «последние лучи солнца пронизывали листву аллеи?».

О, как трудно писать роман!

Такое множество всего вокруг, сразу: и листва, и лучи, и глаза, и сами они оба, и что они говорят, и что думают, и что им кажется... а писать об этом всем надо, ведь, постепенно? Если б можно было одно на другое ставить, так нет, низать, как цепочку, одно за другим... Про что раньше? Про что после?

Да и самих слов тоже великое множество; все будто подходящие, а нельзя же, надо выбирать; какое выбрать? Неизвестно. Вот хоть бы с солнцем: закатывалось? Заходило? Опускалось? Близилось к горизонту? Или совсем без солнца?

– Все переменю! – решила вдруг Лиза и захлопнула тетрадку. – Сегодня уж нельзя, вон на той стороне и коров погнали, стемнеет сейчас, а завтра приду и сразу по-новому двину дело!

Она даже улыбнулась своей мысли: не надо ничего, ни солнца, ни что глаза сверкали, а надо изо всех сил вообразить себя Наташей; и что ей станет говориться и думаться – то и писать. Если ей подумается про закат – ладно; а то и без заката. Потом так же Виктором попробовать сделаться. И тоже своих, про него, слов не придумывать. Я же не могу Виктора видеть, когда я сама Виктор? В это время я могу видеть только Наташу. И что вокруг, конечно, но иначе, чем Наташа...

Эти странные обрывки мыслей Лизе были ужасно понятны; и все стало ей казаться необыкновенно простым.

По густой аллее парка, не очень старинного, но в самом настоящем «вечернем сумраке», бежит Лиза домой. Глаза у нее, может быть, и не сверкают, зато сердце наверно бьется ожиданием радости... завтра.

Справится ли завтра Лиза со своими приемышами? Думается, нет. Думается, еще помучают они ее. Но Лиза упряма. Все говорят, что у нее «характер». Сто тетрадок порвет, сто «солнц заходящих» перечеркнет, сто раз решит «все переменю!», а уж роман свой непременно напишет.

Хоть бы до седьмого класса пришлось писать, хоть бы до старости, – напишет!

1931

Ф.И. Тютчев

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, –
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеильный хлад не может:
Она все льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, –
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот –
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

1836

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выступите в роли участника книжной выставки-ярмарки и представьте издательство, которое специализируется на выпуске книг для чтения в дороге. Продумайте концепцию стенда, которая позволит привлечь наибольшее количество покупателей. В эту концепцию должны входить:

1) *Название стенда и название издательства.*

2) *Перечень книг для продажи (перечислите названия 10 книг реальных авторов).*

3) *Краткая аннотация двух книг, которая позволит заинтересовать будущих читателей.*

11-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Е. Замятин

ПЕЩЕРА

Ледники, мамонты, пустыни. Ночные, черные, чем-то похожие на дома, скалы; в скалах пещеры. И неизвестно, кто трубит ночью на каменной тропинке между скал и, вынюхивая тропинку, раздувает белую снежную пыль; может, сероухотый мамонт; может быть, ветер; а может быть – ветер и есть ледяной рев какого-то мамонтейшего мамонта. Одно ясно: зима. И надо покрепче стиснуть зубы, чтобы не стучали; и надо щепать дерево каменным топором; и надо всякую ночь переносить свой костер из пещеры в пещеру, все глубже, и надо все больше навертывать на себя косматых звериных шкур.

Между скал, где века назад был Петербург, ночами бродил сероухотый мамонт. И, завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья, – пещерные люди отступали из пещеры в пещеру. На покров Мартин Мартиныч и Маша заколотили кабинет; на казанскую выбрались из столовой и забились в спальне. Дальше отступать было некуда; тут надо было выдержать осаду – или умереть.

В пещерной петербургской спальне было так же, как недавно в Ноевом ковчеге: потопно перепутанные чистые и нечистые твари. Красного дерева письменный стол; книги; каменновоковые, гончарного вида лепешки; Скрябин опус 74; уют; пять любовно, добела вымытых картошек; никелированные решетки кроватей; топор; шифоньер; дрова. И в центре всей это вселенной – бог, коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный пещерный бог: чугунная печка.

Бог могуче гудел. В темной пещере – великое огненное чудо. Люди - Мартин Мартиныч и Маша – благоговейно, молча благодарно простирали к нему руки. На один час – в пещере весна; на один час - скидывались звериные шкуры, когти, клыки, и сквозь обледеневшую мозговую корку пробивались зеленые стебельки - мысли.

– Март, а ты забыл, что ведь завтра... Ну, уж я вижу: забыл!

В октябре, когда листья уже пожолкли, пожухли, сникли – бывают синеглазые дни; запрокинуть голову в такой день, чтобы не видеть земли, – и можно поверить: еще радость, еще лето. Так и с Машей: если вот закрыть глаза и только слушать ее – можно поверить, что она прежняя, и сейчас засмеется, встанет с постели, обнимет, и час тому назад ножом по стеклу – это не ее голос, совсем не она...

– Ай, Март, Март! Как все... Раньше ты не забывал. Двадцать девятое: Марии, мой праздник...

Чугунный бог еще гудел. Света, как всегда, не было: будет только в десять. Колыхались лохматые, темные своды пещеры. Мартин Мартиныч – на корточках, узлом – туже! еще туже! – запрокинув голову, все еще смотрит в октябрьское небо, чтобы не увидеть пожолклые, сникшие губы. А Маша:

– Понимаешь, Март, – если бы завтра затопить с самого утра, чтобы весь день было как сейчас! А? Ну, сколько у нас? Ну с полсажени еще есть в кабинете?

До полярного кабинета Маша давным-давно не могла добраться и не знала, что там уже... Туже узел, еще туже!

– Полсажени? Больше! Я думаю, там...

Вдруг – свет: ровно десять. И, не кончив, зажмурился Мартин Мартиныч, отвернулся: при свете – труднее, чем в темноте. И при свете ясно видно: лицо у него скомканное, глиняное, теперь у многих глиняные лица - назад к Адаму! А Маша:

– И знаешь, Март, я бы попробовала – может, я встану... если ты затопишь с утра.

– Ну, Маша, конечно же... Такой день... Ну, конечно – с утра.

Пещерный бог затихал, съеживался, затих, чуть потрескивает. Слышно: внизу, у Обертышевых, каменным топором щепают коряги от барки – каменным топором колют Мартина Мартиныча на куски. Кусок Мартина Мартиныча глиняно улыбался Маше и молот на кофейной мельнице сушеную картофельную шелуху для лепешек – и кусок Мартина Мартиныча, как с воли залетевшая в комнату птица, бестолково, слепо тукался в погодок, в стекла, в стены: «Где бы дров – где бы дров – где бы дров».

Мартин Мартиныч надел пальто, сверху подпоясался кожаным поясом (у пещерных людей миф, что от этого теплее), в углу у шифоньера гроыхнул ведром.

– Ты куда, Март?

– Я сейчас. За водой вниз.

На темной, обледенелой от водяных сплесков лестнице постоял Мартин Мартиныч, покачался, вздохнул и, кандально позвякивая ведеркой, спустился вниз, к Обертышевым; у них еще шла вода. Дверь открыл сам Обертышев, в перетянутом веревкой пальто, давно не бритый, лицо – заросший каким-то рыжим, насквозь пропыленным бурьяном пустырь. Сквозь бурьян – желтые каменные зубы, и между камней – мгновенный ящеричный хвостик – улыбка.

– А, Мартин Мартиныч! Что, за водичкой? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

В узенькой клетке между наружной и внутренней дверью с ведром не повернуться – в клетке обертышевские дрова. Глиняный Мартин Мартиныч боком больно стучался о дрова – в глине глубокая вмятина. И еще глубже: в темном коридоре об угол комода.

Через столовую. В столовой – обертышевская самка и трое обертышат; самка торопливо спрятала под салфеткой миску: пришел человек из другой пещеры – и бог знает, вдруг кинется, схватит.

В кухне, отвернув кран, каменнозубо улыбался Обертышев:

– Ну что же: как жена? Как жена? Как жена?

– Да что, Алексей Иваныч, все то же. Плохо. И вот завтра – именины, а у меня топить нечем.

– А вы, Мартин Мартиныч, стульчиками, шкафчиками... Книги тоже: книги отлично горят, отлично, отлично...

– Да ведь вы же знаете: там вся мебель, все - чужое, один только рояль...

– Так, так, так... Прискорбно, прискорбно!

Слышно в кухне: вспархивает, шуршит крыльями залетевшая птица, вправо, влево – и вдруг отчаянно, с маху в стену всей грудью:

– Алексей Иваныч, я хотел... Алексей Иваныч, нельзя ли у вас хоть пять-шесть полен...

Желтые каменные зубы сквозь бурьян, желтые зубы – из глаз, весь Обертышев обрастал зубами, все длиннее зубы.

– Что вы, Мартин Мартиныч, что вы, что вы! У нас у самих... Сами знаете, как теперь все, сами знаете, сами знаете...

Туже узел! Туже – еще туже! Закрутил себя Мартин Мартиныч, поднял ведро – и через кухню, через темный коридор, через столовую. На пороге столовой Обертышев сунул мгновенную, ящерично-юркую руку:

– Ну, всего... Только дверь, Мартин Мартиныч, не забудьте прихлопнуть, не забудьте. Обе двери, обе, обе - не натописься!

На темной обледенелой площадке Мартин Мартиныч поставил ведро, обернулся, плотно прихлопнул первую дверь. Прислушался, услышал только сухую костяную дрожь в себе и свое трясущееся – пунктирное, точечками – дыхание. В узенькой клетке между двух дверей протянул руку, нащупал – полено, и еще, и еще... Нет! Скорей выпихнул себя на площадку, притворил дверь. Теперь надо только прихлопнуть поплотнее, чтобы щелкнул замок...

И вот – нет силы. Нет силы прихлопнуть Машино завтра. И на черте, отмеченной чуть приметным пунктирным дыханием, схватились насмерть два Мартин Мартиныча: тот, давний, со Скрыбиным, какой знал: нельзя – и новый, пещерный, какой знал: нужно. Пещерный, скрипя зубами, подмял, придушил – и Мартин Мартиныч, ломая ногти, открыл дверь, запустил руку в дрова... полено, четвертое, пятое, под пальто, за пояс, в ведро – хлопнул дверью и вверх – огромными, звериными скачками. Посередине лестницы, на какой-то обледенелой ступеньке – вдруг пристыл, вжался в стену: внизу снова щелкнула дверь – и пропыленный обертышевский голос:

– Кто там? Кто там? Кто там?

– Это я, Алексей Иваныч. Я... я дверь забыл... Я хотел... Я вернулся – дверь поплотнее...

– Вы? Гм... Как же это вы так? Надо аккуратнее, надо аккуратнее. Теперь все крадут, сами знаете, сами знаете. Как же это вы так?

Двадцать девятое. С утра – низкое, дырявое, ватное небо, и сквозь дыры несет льдом. Но пещерный бог набил брюхо с самого утра, милостиво загудел – и пусть там дыры, пусть обросший зубами Обертышев считает поленья – пусть, все равно: только бы сегодня; «завтра» – непонятно в пещере; только через века будут знать «завтра», «послезавтра».

Маша встала и, покачиваясь от невидимого ветра, причесалась по-старому: на уши, посередине пробор. И это было – как последний, болтающийся на голом дереве, жухлый лист. Из среднего ящика письменного стола Мартин Мартиныч вытащил бумаги, письма, термометр, какой-то синий флакончик (торопливо сунул его обратно – чтобы не видела Маша) – и, наконец, из самого дальнего угла черную лакированную коробочку: там, на дне, был еще настоящий – да, да, самый настоящий чай! Пили настоящий чай. Мартин Мартиныч, запрокинув голову, слушал такой похожий на прежний голос:

– Март, а помнишь: моя синенькая комната, и пианино в чехле, и на пианино – деревянный конек – пепельница, и я играла, а ты подошел сзади...

Да, в тот вечер была сотворена вселенная, и удивительная, мудрая морда луны, и соловьиная трель звонков в коридоре.

– А помнишь, Март: открыто окно, зеленое небо – и снизу, из другого мира – шарманщик?

Шарманщик, чудесный шарманщик – где ты?

– А на набережной... Помнишь? Ветки еще голые, вода румяная, и мимо плывет синяя льдина, похожая на гроб. И только смешно от гроба, потому что ведь мы – никогда не умрем. Помнишь?

Внизу начали колоть каменным топором. Вдруг перестали, какая-то беготня, крик. И, расколотый надвое, Мартин Мартиныч одной половиной видел бессмертного шарманщика, бессмертного деревянного конька, бессмертную льдину, а другой – пунктирно дыша – пересчитывал вместе с Обертышевым поленья дров. Вот уж Обертышев сосчитал, вот надевает пальто, весь обросший зубами, – свирепо хлопает дверью, и...

– погоди, Маша, кажется – у нас стучат.

Нет. Никого. Пока еще никого. Еще можно дышать, еще можно запрокинуть голову, слушать голос – такой похожий на тот, прежний.

Сумерки. Двадцать девятое октября состарилось. Пристальные, мутные, старушечьи глаза – и все ежится, сморщивается, горбится под пристальным взглядом. Оседают сводами потолок, приплюснулись кресла, письменный стол, Мартин Мартиныч, кровати, и на кровати – совсем плоская, бумажная Маша.

В сумерках пришел Селихов, домовый председатель. Когда-то он был шестипудовый – теперь уже вытек наполовину, болтался в пиджачной скорлупе, как орех в погрешке. Но еще по-старому погромыхивал смехом.

– Ну-с, Мартин Мартиныч, во-первых – во-вторых, супругу вашу - с тезоименитством. Как же, как же! Мне Обертышев говорил...

Мартина Мартиныча выстрелило из кресла, понесся, заторопился - говорить, что-нибудь говорить...

– Чаю... я сейчас – я сию минуту... У нас сегодня – настоящий. Понимаете: настоящий! Я его только что...

– Чаю? Я, знаете ли, предпочел бы шампанского. Нету? Да что вы! Гра-гра-гра! А мы, знаете, с приятелем третьего дня из гофманских гнали спирт. Потеха! Налакался... «Я, – говорит, – Зиновьев: на колени!» Потеха! А оттуда домой иду – на Марсовом поле навстречу мне человек в одном жилете, ей-богу! «Что это вы?» говорю. «Да ничего, – говорит... – Вот раздели сейчас, домой бегу на Васильевский». Потеха!

Приплюснутая, бумажная, смеялась на кровати Маша. Всего себя завязав в тугий узел, все громче смеялся Мартин Мартиныч – чтобы подбросить в Селихова дров, чтобы он только не перестал, чтобы только не перестал, чтобы о чем-нибудь еще...

Селихов переставал, чуть пофыркивая, затих. В пиджачной скорлупе болтнулся вправо и влево; встал.

– Ну-с, именинница, ручку. Чик! Как, вы не знаете? По-ихнему честь имею кланяться – ч.и.к. Потеха!

Громыхал в коридоре, в передней. Последняя секунда – сейчас уйдет, или – ...

Пол чуть-чуть покачивался, покруживался у Мартина Мартиныча под ногами. Глиняно улыбаясь, Мартин Мартиныч придерживался за косяк. Селихов пыхтел, заколачивая ноги в огромные боты.

В ботах, в шубе, мамонтоподобный – выпрямился, отдышался. Потом молча взял Мартин Мартиныча под руку, молча открыл дверь в полярный кабинет, молча сел на диван.

Пол в кабинете - льдина; льдина чуть слышно треснула, оторвалась от берега – и понесла, понесла, закружила Мартина Мартиныча, и оттуда – с диванного, далекого берега – Селихова еле слышать.

– Во-первых – во-вторых, сударь мой, должен вам сказать: я бы этого Обертышева, как гниду, ей-богу... Но сами понимаете: раз он официально заявляет, раз говорит – завтра пойду в уголовное... Этакая гнида! Я вам одно могу посоветовать: сегодня же, сейчас же к нему – и заткните ему глотку этими самыми поленьями.

Льдина – все быстрее. Крошечный, сплюснутый, чуть видный – так, щепочка – Мартин Мартиныч ответил – себе, и не о поленьях... поленья – что! – нет, о другом:

– Хорошо. Сегодня же. Сейчас же.

– Ну вот и отлично, вот и отлично! Это – такая гнида, такая гнида, я вам скажу...

В пещере еще темно. Глиняный, холодный, слепой – Мартин Мартиныч тупо натискался на потопно перепутанные в пещере предметы. Вздрогнул: голос, похожий на Машин, на прежний...

– О чем вы там с Селиховым? Что? Карточки? А я, Март, все лежала и думала: собраться бы с духом – и куда-нибудь, чтоб солнце... Ах, как ты гремишь! Ну как нарочно. Ведь ты же знаешь – я не могу, я не могу, я не могу!

Ножом по стеклу. Впрочем – теперь все равно. Механические руки и ноги. Поднимать и опускать их – нужно какими-то цепями, лебедкой, как корабельные стрелы, и вертеть лебедку – одного человека мало: надо троих. Через силу натягивая цепи, Мартин Мартиныч поставил разогреваться чайник, кастрюльку, подбросил последние обертышевские поленья.

– Ты слышишь, что я тебе говорю? Что ж ты молчишь? Ты слышишь?

Это, конечно, не Маша, нет, не ее голос. Все медленней двигался Мартин Мартиныч, ноги увязали в зыбучем песке, все тяжелее вертеть лебедку. Вдруг цепь сорвалась с какого-то блока, стрела-рука – ухнула вниз, нелепо задела чайник, кастрюльку – загремело на пол, пещерный бог змеино шипел. И оттуда, с далекого берега, с кровати – чужой, пронзительный голос:

– Ты нарочно! Уходи! Сейчас же! И никого мне - ничего, ничего не надо, не надо! Уходи!

Двадцать девятое октября умерло, и умер бессмертный шарманщик, и льдины на румяной от заката воде, и Маша. И это хорошо. И нужно, чтоб не было невероятного завтра, и Обертышева, и Селихова, и Маши, и его – Мартина Мартиныча, чтоб умерло все.

Механический, далекий Мартин Мартиныч еще делал что-то. Может быть, снова разжигал печку, и подбирал с полу кастрюльку, и кипятил чайник, и, может быть, что-нибудь говорила Маша – не слышал: только тупо ноющие вмятины на глине от каких-то слов, и от углов шифоньера, стульев, письменного стола.

Мартин Мартиныч медленно вытаскивал из письменного стола связки писем, термометр, сургуч, коробочку с чаем, снова - письма. И наконец, откуда-то, с самого со дна, темно-синий флакончик.

Десять: дали свет. Голый, жесткий, простой, холодный – как пещерная жизнь и смерть – электрический свет. И такой простой – рядом с уюгом, 74-м опусом, лепешками – синий флакончик. Чугунный бог милостиво загудел, пожирая пергаментно-желтую, голубоватую, белую бумагу писем. Тихонько напомнил о себе чайник, постучал крышкой. Маша обернулась:

– Скипел чай? Март, милый, дай мне –...

Увидела. Секунда, насквозь пронизанная ясным, голым, жестоким электрическим светом: скорченный перед печкой Мартин Мартиныч; на письмах - румяный, как вода на закате, отблеск; и там - синий флакончик.

– Март! Ты... ты хочешь...

Тихо пожирая бессмертные, горькие, нежные, желтые, белые, голубые слова – тихонько мурлыкал чугунный бог. И Маша – так же просто, как просила чаю:

– Март, милый! Март – дай это мне!

Мартин Мартиныч улыбнулся издалека:

– Но ведь ты же знаешь. Маша: там – только на одного.

– Март, ведь меня все равно уже нет. Ведь это уже не я – ведь все равно я скоро... Март, ты же понимаешь - Март, пожалей меня... Март!

Ах, тот самый - тот самый голос... И если запрокинуть голову вверх...

– Я, Маша, тебя обманул: у нас в кабинете – ни полена. И я пошел к Обертышеву, и там между дверей... Я украл – понимаешь? И Селихов мне... Я должен сейчас отнести назад – а я все сжег – я все сжег – все! Я не о поленьях, поленья – что! – ты же понимаешь?

Равнодушно задремывает чугунный бог. Потухая, чуть вздрагивают своды пещеры, и чуть вздрагивают дома, скалы, мамонты, Маша.

– Март, если ты меня еще любишь... Ну, Март, ну вспомни! Март, милый, дай мне!

Бессмертный деревянный конек, шарманщик, льдина. И этот голос... Мартин Мартиныч медленно встал с колен. Медленно, с трудом ворочая лебедку, взял со стола синий флакончик и подал Маше.

Она сбросила одеяло, села на постели, румяная, быстрая, бессмертная – как тогда вода на закате, схватила флакончик, засмеялась.

– Ну вот видишь: недаром я лежала и думала – уехать отсюда. Зажги еще лампу – ту, на столе. Так. Теперь еще что-нибудь в печку – я хочу, чтобы огонь...

Мартин Мартиныч, не глядя, выгреб какие-то бумаги из стола, кинул в печь.

– Теперь... Иди погуляй немного. Там, кажется, луна – моя луна: помнишь? Не забудь – возьми ключ, а то захлопнешь, а открыть – ...

Нет, там луны не было. Низкие, темные глухие облака – своды – и все – одна огромная, тихая пещера. Узкие, бесконечные проходы между стен; и похожие на дома темные, обледенелые скалы; и в скалах – глубокие, багрово-освещенные дыры: там, в дырах, возле огня – на корточках люди. Легкий ледяной сквознячок сдувает из-под ног белую пыль, и никому не слышная – по белой пыли, по глыбам, по пещерам, по людям на корточках – огромная, ровная поступь какого-то мамонтейшего мамонта.

1921

Ф. Сологуб

ТВОРЧЕСТВО

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия,-
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

1893

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выступите в роли участника книжной выставки-ярмарки и представьте издательство, которое специализируется на выпуске книг для чтения в дороге. Продумайте концепцию стенда, которая позволит привлечь наибольшее количество покупателей. В эту концепцию должны входить:

- 1) Название стенда и название издательства.*
- 2) Перечень книг для продажи (перечислите названия 10 книг реальных авторов).*
- 3) Краткая аннотация двух книг, которая позволит заинтересовать будущих читателей.*

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЗАДАНИЙ

5-й КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Формулирование темы рассказа	До 2 баллов
2	Выражение главной мысли, авторского отношения к изображаемому	До 3 баллов
3	Объяснение смысла заглавия	До 3 баллов
4	Выделение основных образов, характеристика роли деталей в их создании	До 10 баллов
5	Выражение личного отношения к художественному произведению, аргументация своей точки зрения	До 3 баллов
6	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 4 баллов (2 за композицию и 2 за стилистическую однородность)
7	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u> : сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u> : при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 5 баллов
Максимальная оценка		30

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Оригинальность и уместность выбранного литературного героя	До 5 баллов
2	Точность и глубина представленной характеристики персонажа	До 5 баллов
3	Ориентация на особенности аудитории	До 5 баллов
4	Общая языковая и речевая грамотность, выразительность и ясность формулировок	До 5 баллов
Максимальная оценка		20

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 5-м классе – 50.

6-й КЛАСС
АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Формулирование темы стихотворения	До 2 баллов
2	Выражение главной мысли, авторского отношения к изображаемому	До 3 баллов
3	Характеристика сюжета произведения	До 2 баллов
4	Выделение основных образов, характеристика роли деталей в их создании	До 8 баллов
5	Выявление средств художественной выразительности, используемых автором	До 3 баллов
5	Выражение личного отношения к художественному произведению, аргументация своей точки зрения	До 3 баллов
6	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 4 баллов (2 за композицию и 2 за стилистическую однородность)
7	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u> : сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u> : при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 5 баллов
Максимальная оценка		30

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Оригинальность и уместность выбранного литературного героя	До 5 баллов
2	Точность и глубина представленной характеристики персонажа	До 5 баллов
3	Ориентация на особенности аудитории	До 5 баллов
4	Общая языковая и речевая грамотность, выразительность и ясность формулировок	До 5 баллов
Максимальная оценка		20

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 6-м классе – 50.

7-й КЛАСС
АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Формулирование темы рассказа	1 балл
2	Выявление идейного своеобразия	До 2 баллов
3	Объяснение смысла заглавия	До 2 баллов
4	Характеристика сюжета и особенностей композиции сказки	До 4 баллов
5	Анализ художественных образов и средств их создания	До 10 баллов
6	Выражение личного отношения к художественному произведению, аргументация своей точки зрения	До 3 баллов
7	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 3 баллов (2 за композицию и 1 за стилистическую однородность)
8	Оригинальность работы	До 2 баллов
9	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u> : сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u> : при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 3 баллов
Максимальная оценка		30

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Оригинальность и уместность выбранного литературного героя	До 5 баллов
2	Точность и глубина представленной характеристики персонажа	До 5 баллов
3	Ориентация на особенности аудитории	До 5 баллов
4	Общая языковая и речевая грамотность, выразительность и ясность формулировок	До 5 баллов
Максимальная оценка		20

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 7-м классе – 50.

8-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Формулирование темы рассказа	1 балл
2	Выявление идейного своеобразия	До 2 баллов
3	Объяснение смысла заглавия	До 2 баллов
4	Характеристика сюжета и особенностей композиции сказки	До 4 баллов
5	Анализ художественных образов и средств их создания	До 10 баллов
6	Выражение личного отношения к художественному произведению, аргументация своей точки зрения	До 3 баллов
7	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 3 баллов (2 за композицию и 1 за стилистическую однородность)
8	Оригинальность работы	До 2 баллов
9	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u> : сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u> : при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 3 баллов
Максимальная оценка		30

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Оригинальность и уместность выбранного литературного героя	До 5 баллов
2	Точность и глубина представленной характеристики персонажа	До 5 баллов
3	Ориентация на особенности аудитории	До 5 баллов
4	Общая языковая и речевая грамотность, выразительность и ясность формулировок	До 5 баллов
Максимальная оценка		20

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 8-м классе – 50.

9, 10, 11-й КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

Анализируя текст, ученик должен показать степень сформированности аналитических филологических навыков. Ученик сам определяет методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – к осмыслению художественной природы анализируемого произведения, а также к пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить, углубить, развить первичное понимание, увидеть произведение как сложно организованное единство элементов, несущее в себе смысл и эстетическую ценность.

«Целостный анализ текста» - не обязательный учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней – от фонетической и ритмико-метрической стороны до контекста и интертекста. Ученик должен сосредоточиться на тех аспектах текста, которые актуализированы в нем и в наибольшей степени «работают» на раскрытие заложенных в нем смыслов. Кроме того, анализ текста – не повод демонстрировать знание филологической терминологии; в первую очередь, это привлечение внимания учащегося к её художественному назначению в тексте, характеристике её функциональной нагрузки. Цель анализа предложенного произведения состоит не в создании наукообразного текста о тексте художественном. Обилие терминов в работе еще не означает научности.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка - условная «двойка» («неудовлетворительно»), вторая – условная «тройка» («удовлетворительно»), третья – условная «четверка» («хорошо»), четвертая – условная «пятерка» («отлично»). Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» - 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов.

Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.

Максимальная оценка – 70 баллов.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

<i>№</i>	<i>Критерии</i>	<i>Баллы</i>
1	Оригинальность и уместность предложенного названия стенда и соответствие его политике издательства	До 5 баллов
2	Целесообразность предложенного списка книг	До 10 баллов (за каждое названное произведение – 1 балл)
3	Оригинальность и фактическая точность аннотаций	До 10 баллов (за каждую аннотацию – до 5 баллов)
4	Речевое оформление, выразительность и ясность формулировок	До 5 баллов
	Максимальная оценка	30 баллов

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 9, 10, 11-м классе – 100.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ драматического произведения / Под ред. В.М. Марковича. – Л., 1988.
2. Анализ одного стихотворения / Под ред. В. Е. Холшевникова. – Л., 1985.
3. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб., 2006.
4. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. – Тула, 2000.
5. Гаспаров М. Л. «Снова тучи надо мною...». Методика анализа. – <http://www.durov.com/literature2/gasparov-97b.htm>.
6. Зинина Е. А. Основы поэтики. Теория и практика анализа художественного текста. – М.: Дрофа, 2006.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972.
8. Кожин В.В. Как пишут стихи: О законах поэтического творчества. – М., 1970.
9. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб., 1996.
10. Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения.- http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0398_Vnutrennij_mir_1968.pdf.
11. Поэтический строй русской лирики / Ответ. ред. Г. М. Фридендер. – Л., 1973.
12. Румянцева Э. М. Анализ художественного произведения в аспекте жанра / Пути анализа литературного произведения // Под ред. Б. Ф. Егорова. – М., 1981.
13. Русская новелла: Проблемы теории и истории / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб., 1993
14. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы (1923) // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. – М., 2007.
15. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974.
16. Тодоров Л. В. Русское стихосложение в школьном изучении. – М.: Просвещение, 2009.
17. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. – М.: КДУ, 2006.
18. Энциклопедический словарь для юношества. Литературоведение. От А до Я / Сост. В.И. Новиков, Е. А. Шкловский. – М., 2001.
19. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах. – М., 1970.

Интернет-ресурсы

1. <http://lit.rusolymp.ru>: Информационный портал Всероссийской олимпиады.
2. <http://lit.1september.ru>: Журнал «Литература» и сайт для учителя «Я иду на урок литературы».
3. www.slovesnik.org: Сайт Гильдии словесников.
4. <http://www.feb-web.ru>: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор».